

ВЕРА ФИГНЕР

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД
ВОСПОМИНАНИЯ В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ I

Издательство социально-экономической литературы

"Мысль" Москва 1964

OCR Ю.Н.Ш. yu_shard@newmail.ru В фигурные скобки {} здесь помещены номера страниц (окончания) издания-оригинала.

Оригинал здесь: "[Народная Воля](#)".

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ "ЗАПЕЧАТЛЕННОГО ТРУДА"

(1921--1922 годы)

В безрадостные дни бездействия меня утешала мысль, что есть общественное дело для меня -- издание книги, которая запечатлела бы опыт той полосы революционного движения, в которой я принимала личное участие.

Теперь, после многих неудач и отсрочек, первая часть этой книги выходит наконец в свет.

Сердцевину ее составляет период 1876--1883 годов, когда последовательно и в преемственной связи действовали две организации: тайное общество "Земля и воля" и партия "Народная воля", представляющие после опыта "хождения в народ" дальнейшие стадии эволюции нашего революционного движения.

Перебирая имена землевольцев и народовольцев, находящихся в живых, я не встречаю никого, кто прошел бы чрез весь этот период: каждому недостает того или другого звена или некоторых годов которого-нибудь из них. В этом отношении мое положение исключительное: в 1876 году я участвовала в выработке программы "народников", которая легла в основу деятельности революционных сил, объединившихся в тайное общество "Земля и воля". С другой стороны, я была последним членом Исполнительного комитета "Народной воли", арестованным в 1883 году, когда из инициаторов и основоположников этой партии, входивших в Комитет, на свободе в России не оставалось уж никого. Кому же, как не мне, худо ли, хорошо ли проследить в рамках личного участия и переживания путь, которым шли мои товарищи, отдавшие революционному движению свою жизнь? {40} Едва я вышла из Шлиссельбургской крепости, как друзья и знакомые, в особенности основатель журнала "Былое" ¹ В. Л. Бурцев, стали настаивать, чтобы я писала. Но я не была в состоянии заняться этим в то время. Выход на свободу после 22 лет заточения был великим переломом в жизни: потрясение охватывало и физическую, и духовную сторону организма. Нервы, привыкшие к тишине, одиночеству и однообразию обстановки, не могли справиться с наплывом новых впечатлений. Не говоря о явлениях и встречах более или менее ярких и внезапных, даже самые обыденные, нормально ускользающие от внимания людей свободных вызвали у меня реакцию до болезненности сильную: они раздражали и мучили меня. Приходилось перевоспитывать себя и медленно приспосабливаться к обстановке и условиям, которые за двадцатилетие стали непривычными и по своей непривычности тревожными; а в области духовной мучительно стоять перед категорическими и от шумихи жизни совершенно оголенными вопросами: как жить? чем жить? зачем жить? Не буду останавливаться на этой послетюремной психологии. Во второй части книги, в главе "С горстью золота" ², о моем тогдашнем настроении сказано достаточно.

Не обращать взор назад -- смотреть надо было в настоящее и в нем искать свое место в жизни. И я смотрела, искала. Одна из попыток войти в жизнь, приладиться к ней описана в той же главе второй части; о двух других, быть может, напишу потом. Попытки кончились неудачей. В 1913 году я осталась перед пустотой: не было у меня ни работы революционной, ни деятельности общепольной -- ничего.